

Беглец

Ма-леди Марион из Лиффорд-холла возлежала на узкой койке в отведённой ей на «Ноттингеме» каюте и с тоской мечтала о собственной постели в собственной спальне. Но до Лиффорда оставалось, согласно расчётам, двенадцать корабельных суток пути. Пространство, предоставленное ей на королевском правоохранительном линкоре под руководством капитана, ма-лорда Роберта Дерено, было чрезвычайно эргономичным и ограниченным. Таким же ограниченным, как сам Дерено.

Марион повернулась на другой бок и тяжело вздохнула. Ещё двенадцать суток терпеть этого напыщенного осла, его сальные усмешки и жадные взгляды его старпома, ма-лорда Гая, выходца из новофранцузского сектора. Выскочка, считающий, что в Новой Англии таким, как он, всё позволено. Марион всерьёз сомневалась, что до конца утомительного путешествия у неё достанет терпения. То и дело подмывало запустить в кого-нибудь из этих двоих кувшином с хмельным лигурийским.

Внезапно дверь каюты бесшумно отъехала в сторону. Марион, не веря своим глазам, медленно села на кровати. Дерено или Гай посмели войти к ней, пользуясь универсальной ключ-картой?!

Но нет, проскользнувшая в каюту тень никак не походила на приземистого капитана или на великана старпома. Вошедший был статным, но худощавым, с копной разметававшихся по плечам тёмных волос и с тёмными же сверкающими глазами. И она совершенно точно никогда его раньше не видела! Марион прикусила нижнюю губу, чтобы сдержать невольный вскрик, и тут чужак не угрожающе, а умоляюще выдохнул:

— Тс-с... Ма-леди, прошу, не выдавайте!

Марион так же безмолвно и зачарованно кивнула. Она была до крайности заинтригована. Откуда на летевшем в космосе абсолютно изолированном военном судне мог взяться посторонний человек?! И не просто посторонний. Она, как и пришелец, слышала в коридоре тяжёлые шаги нескольких пар ног. Его ищут!

Марион кивком указала незнакомцу на переборку, за которой находился санузел — в крохотном закутке она ухитрилась устроить подобие будуара, где царили ароматы её любимых бальзамов и ароматических масел с Голконды и Вивьерры.

Парень вновь благодарно сверкнул глазами и бесшумно исчез за переборкой.

Марион ещё успела сокрушённо подумать: если сюда ворвутся люди Дерено и начнётся потасовка, всему хрупкому великолепию её будуара придёт конец. Но сокрушаться не было времени: в дверь каюты уже властно стучали, не решившись, видимо, воспользоваться универсальным ключом.

Марион соскочила с постели, накинула халат и отодвинула дверь.

В коридоре ожидаемо переминался с ноги на ногу старпом Гай, пытаясь заглянуть через плечо Марион в каюту. За его спиной так же неловко топтались двое десантников.

— Что вам угодно? — вежливо спросила Марион, скрестив руки на груди.

— Сюда... к вам никто не заходил? — с запинкой осведомился старпом, и она презрительно сощурилась:

— Я что, по-вашему, пьяна, ма-лорд, или нахожусь под действием транквилизаторов, если не заметила, что ко мне в каюту кто-то вошёл?

— Что вы! — выдавил злосчастный старпом. — Боже упаси! Но, возможно, вы очень крепко уснули?

Марион смерила его уничтожающим взглядом от белобрысой макушки до застёжек на высоких ботинках и произнесла с ударением на каждом слове:

— Я читала книгу, — и едва не добавила, что ему явно незнакомо это занятие. — А что случилось?

— На жилых палубах, возможно, появился беглый преступник, — отрывисто отозвался Гай, продолжая обшаривать взглядом каюту, благо рост ему это позволял.

Марион непритворно ахнула:

— Каким же это образом?!

Теоретически она представляла, что в грузовых отсеках «Ноттингема» находятся заключённые, которых доставляют либо в столичную королевскую тюрьму, либо на планету-каторгу, но никогда прежде не задумывалась об этих несчастных. Теперь же, когда один из них несколько минут назад предстал перед нею и держался так учтиво, она не могла не посочувствовать ему.

Тем более что она от души презирала спесивого Дерено и его дубинноголового помощника.

— Ему каким-то образом удалось обмануть охрану, — лаконично объяснил Гай и отступил на шаг, видимо, успокоившись. — Будьте осторожны, ма-леди.

— Разумеется! — горячо заверила его Марион и прибавила, величаво кивнув: — Благодарю вас за заботу, ма-лорд.

Когда шаги Гая и его людей отдалились, Марион повернулась спиной к двери и кинулась к переборке. Всё это время она молилась, чтобы беглец ничего не уронил в таком ограниченном пространстве. Гай непременно бы это услышал.

— Выходите, — вполголоса позвала она, и незнакомец выскользнул наружу.

Несколько мгновений они в упор смотрели друг на друга. Вблизи он оказался ещё красивее, чем запомнилось Марион — с благородными тонкими чертами смуглого лица. И этот человек — преступник?

— Спасибо вам! — прошептал он и вдруг прибавил: — Вы такая красавица, ма-леди.

Марион почувствовала, что невольно краснеет. Эти искренние слова тронули её гораздо сильнее, чем любые витиеватые комплименты галантных кавалеров на придворных балах в столице, которые ей довелось посещать во время путешествия.

— Какое преступление вы совершили? — выпалила она. — Вы грабитель или... убийца? — голос её дрогнул.

Он покачал головой:

— Богом клянусь, я стараюсь не отнимать человеческие жизни попусту. Но мы грабим королевские транспортники — я и мои люди, чтобы помочь поселенцам на самых отсталых и бедных планетах.

Она что-то слышала об этом!

— Боже мой, — прошептала она, прижав руки к груди. — Я знаю вас! Вы Робин Гуд!

— Робин из Локсли, — поправил он. — Это моё родное поселение, оно было дотла сожжено и разграблено бойцами Дерено.

Глаза его вновь запылали.

— Боже мой, — потрясённо повторила Марион. — Но как вам удалось выбраться из трюма? Как вы сбежите с корабля?

Сердце её билось тревожно и часто.

— Хэрн — Космический Охотник — помогает мне, — с гордостью произнёс Робин. — Он явился мне... просто возник на мониторах моего катера, когда я... неважно. Важно то, что теперь я должен выручить своих друзей и угнать отсюда шлюпку. Не волнуйтесь за меня, ма-леди, говорю же, Хэрн мне поможет.

Марион понятия не имела, кто такой этот самый Хэрн и почему она так переживает за какого-то разбойника, но немного успокоилась, поверив его убеждающим словам.

— Может быть, вам нужны деньги? — помедлив, нерешительно осведомилась она.

На смуглом лице Робина вспыхнула лукавая улыбка:

— Боже упаси, ма-леди, я не граблю прекрасных дам.

— Но вы и не грабите меня, — обиженно возразила она, — я предлагаю помощь от чистого сердца.

— Вы уже помогли мне, — горячо заверил Робин и, не успела Марион опомниться, как он коснулся её губ своими обветренными губами — легко и почти целомудренно. Почти.

О, Марион охотно продлила бы этот поцелуй... но тут Робин отстранился и окинул её обжигающим взглядом сквозь пряди волос, упавшие на лоб.

— Скажите же, как вас зовут, чтобы я мог поминать вас в своих молитвах, — шепнул он, и Марион пролепетала:

— Марион из Лиффорда.

— ...и чтобы я мог найти вас, — закончил он. — Теперь уж точно найду. Ждите меня, ма-леди.

Он приоткрыл дверь, настороженно огляделся и бесшумно растворился в слабо освещённом коридоре, а Марион, прислонившись к переборке, невольно прижала пальцы к горящим губам.

Робин из Локсли.

— Алиса, — спустя несколько минут окликнула она кибер-служанку, — найди мне в инфобазе всё, что там есть про этого человека. А потом сотри все записи, которые ты вела во время его визита. И мой запрос тоже сотри.

— Да, ма-леди, — послушно отозвалась Алиса. — Вы что-то ещё сказали, ма-леди?

«Ты попал, Робин из Локсли», — вот что она сказала.

Наказание

Старший помощник капитана королевского линкора «Ноттингем» Гай Гизборн требовал от своих бойцов, а также от представителей разного пойманного им сброда, чтобы его титуловали «ма-лорд». Всякий, кто этого не делал, рисковал огрести по роже и лишиться пары зубов, потому что рука у Гая была тяжелая.

Вообще-то титул этот принадлежала ему по праву — Гай был весьма знатного происхождения и окончил королевскую Космоакадемию одним из лучших на курсе. Так что он не считал себя ни дураком, ни выскочкой, и зуботычины за неуважение к своей благородной персоне отвечивал с полным на то основанием.

Вот только...

Во только существовал его командир, будь он трижды неладен, пресветлый сиятельный капитан «Ноттингема» Роберт Дерено, обласканный властями, заносчивый и высокомерный гад, считавший, что ему позволено унижать не только низших чинов из экипажа — хрен с ним, с экипажем, матросня неотёсанная, — но и своего старшего помощника. Правую, можно сказать, руку.

То есть Гая Гизборна.

Чего стоили одни оглушительные вопли по внутрикорабельной связи, словно личные коммуникаторы отменили. Не говоря уже о мелочных придирах, на которые Дерено был горазд. А ведь Гай подходил к службе обстоятельно и серьёзно, стараясь учесть все детали. Нет же, Дерено в любой ситуации находил повод для публичного разноса.

Отвратительно.

Всякая мыслящая личность, имеющая руки — да хоть щупальца вместо оных, как у вессианцев из системы Персея, — сообразила бы, что негоже с собственной конечностью так по-хамски обращаться, ведь пригодится же!

Но капитану Дерено явно нравилось дразнить, оскорблять и дёргать по пустякам свою злосчастную правую руку, будто недоделанного прыщавого юнгу! А какой, спрашивается, у Гая тогда создавался авторитет в команде?

Правильно, никакой. Вот и приходилось давать в зубы каждому встречному и поперечному, раз уж невозможно хорошенько отделать самого Дерено.

Но с некоторых пор заносчивый капитан уступил место главной головной боли Гая кое-кому другому. На его беду, в контролируемом «Ноттингемом» новоанглийском секторе Галактики появился некий мерзавец, именовавший себя Робинот Гудом (по примеру легендарного разбойника давно минувших времён). Он якобы был выходцем из уничтоженного по приказу короля жалкого поселения Локсли, жители которого сплошь являлись отъявленными мятежниками. Вместо того, чтобы усвоить полученный урок и покориться короне, этот негодяй собрал шайку таких же отщепенцев, беглых каторжников и прочего сброда.

Они угнали боевой эсминец королевского космолота, назвали его «Шервуд» в честь леса, где творил свои тёмные делишки знаменитый древний разбойник, и принялись досажать властям, грабя богатые круизные лайнеры и королевские транспортники. А украденные припасы, оборудование и лекарства доставляли на отсталые терраформированные планеты. Там их буквально боготворили.

Капитан Дерено, ответственный за поимку Робина из Локсли, бесился чуть ли не до апоплексического удара, но поймать неуловимый «Шервуд» и покарать мятежников не мог, как ни старался.

Гай был совсем не против того, чтобы Дерено хватил апоплексический удар, но Робин из Локсли по нескольким причинам стал и его личным врагом.

Первую причину звали ма-леди Марион из Лифорда. Рыжекудрая остроязыкая девушка, волею судьбы ставшая на несколько недель пассажиркой «Ноттингема», запала Гаю в сердце. Прежде всего, потому, что не давала спуска напыщенному ослу Дерено, который в ответ на её выпады краснел, бледнел и даже зеленел, но поделаться со злоречивой ма-леди ничего не мог. Ну как не влюбиться в такую! Да еще и красotka, каких поискать.

И тут до Гая дошли слухи, что, мол, ма-леди Марион якшается с отщепенцами с «Шервуда». Он, конечно, ни на йоту такому навету не поверил, но призадумался. Тем более бандита Робина видели на той палубе

«Ноттингема», где во время путешествия находилась каюта Марион. Тогда Робин из Локсли угодил в руки космодесантников Дерено совершенно случайно. Гай и понятия не имел, кого они загребли во время облавы, но негодяю удалось удрать вместе с пятёркой таких же проходимцев, угнав корабельную спасательную шлюпку. Неужто здесь замешана ма-леди Марион? Гай в не в силах был этому поверить.

Вторая причина, по которой Гаю хотелось схватить неуловимого Робина из Локсли, — это обеспечило бы ему продвижение по службе, и он смог бы наконец отвязаться от настырного Дерено, может даже, чем чёрт не шутит, стать офицером королевского генштаба. Ну и то, что все его ходы, ловушки и облавы не приносили результата, изрядно задевало самолюбие, жалким неудачником он сроду не был.

Третья же причина являлась самой болезненной. Робину из Локсли, дьявол его раздери, удалось заманить в ловушку самого Гая и унижить его похлеще, чем унижал Дерено. Случилось это так.

Катер с «Ноттингема» приземлился на одной из захудалых планет, чтобы корабельный баталер мог приобрести там закончившиеся припасы. На картах планета обозначалась как X-21435554-0, но первооткрыватели называли её Галатеей. Городок Шепард близ космопорта предоставлял высаживавшимся путешественникам не только товары, но и целый комплекс развлекательных, фигурально выражаясь, услуг. Благодаря этим услугам Шепард процветал. Остальные же поселения Галатеи, разбросанные там и сям, были просто нищими деревушками.

«Ноттингем» оказался тут не случайно. Близ Галатеи заметили чёртв «Шервуд», которому тоже, по всей видимости, требовалось пополнить запасы. Но глубокое сканирование результатов не дало. Десантники под предводительством Гая высадились в паре поселений, с пристрастием допросили бургомистров, сожгли для острастки несколько общественных строений, в том числе церковь, но это не помогло. Разбойники как в воду канули, точнее, в космос. Так думал Гай, но, к своему несчастью, ошибался.

Он отправился с командой баталера, чтобы тот не увлёкся и не накопил лишнего за казённый счёт, как уже случалось раньше. А ещё он лелеял надежду найти в базе предлагаемых развлечений умелую и не вульгарную красотку, с которой можно будет не только жарко перепихнуться, но и поболтать. Вдруг ему повезёт настолько, что красотка окажется кудрявой и рыженькой?

Ему не повезло вообще. Вот то есть абсолютно.

Рыжекудрая прелестница, вызванная им по коммуникатору в номер космопортовской гостиницы, мало того, что оказалась шустрым мальчишкой-сопляком в парике, так ещё и принадлежала, то есть принадлежал, к шайке Робина из Локсли. Гай понял это, очнувшись с гудящей головой на полу шлюза некоего боевого корабля, пока женский голос по внутренней связи сообщал со всей невозмутимостью механизма:

— До выхода «Шервуда» из атмосферы X-21435554-0 осталось пять минут пятнадцать секунд.

Тут Гай с ужасом обнаружил, что створки шлюза медленно, но неумолимо открываются. А он был без скафандра! Более того, в одних трусах — таким его, одурманенного, выкрали из гостиницы!

— Эй! — хрипло заорал он, прильнув к смотровому окну шлюзовой камеры. — Эй!

За стеклом появилось лицо. Смуглое, хмурое, с яркими тёмными глазами. Разбойничья рожа, в общем. Гай лихорадочно огляделся и схватил валявшийся на палубе коммуникатор.

— Вы Гай Гизборн, старший помощник на «Ноттингеме»? — властно спросила рожа. Дождалась утвердительного кивка и продолжала: — Я Робин Гуд.

Гай это уже понял.

— Чего вы хотите? — процедил он, стараясь не оборачиваться на зияющую позади смертоносную щель, из которой тянуло морозом. Он уже весь, с головы до пят, покрылся гусиной кожей.

— Чтобы вас не было, — откровенно ответил Робин. — Вы изувечили старост в двух поселениях и сожгли четыре общинных дома.

— И что с того? — вызывающе осведомился Гай. И тут же стиснул зубы, чтобы не лязгали.

— С того, что ты сейчас отправишься в космос без скафандра, Гизборн, — равнодушно проронил Робин.

— Капитан Дерено спалит за меня все поселения на этой поганой планетке, — высокопарно заявил Гай, леденя.

— Сомневаюсь, — с ехидной ухмылкой ответил Робин.

Гай тоже сомневался.

— До выхода «Шервуда» из атмосферы Х-21435554-0 осталось пятьдесят девять секунд, — возвестил механический голос.

Дерьмо!

Робин помедлил.

— Поклянись, что не тронешь больше поселенцев ни на этой планете, ни на любых других, гоняясь за нами, — сказал он наконец.

— Клянусь, — выдавил Гай сквозь стиснутые зубы.

— В чём клянёшься? — уточнил Робин.

— Что ни я, ни мои люди не тронут ни одной суки в ваших сучьих поселениях, пусть они даже будут укрывать тебя, сволочуга, но я не успокоюсь, пока сам не отправлю тебя в космос без скафандра! — Гай поразился, как это он выговорил такую длинную фразу. У него замёрз даже язык.

— Слово чести? — Робин сощурил насмешливые глаза.

— Слово чести, паскуда!

Спустя несколько томительных секунд, показавшихся Гаю вечностью, створки шлюза медленно, мучительно медленно начали закрываться. А ещё через несколько минут «Шервуд» вновь спланировал к поверхности планеты и завис так низко, чтобы Гай мог спрыгнуть, не разбившись насмерть.

Потом ему в одних трусах и босиком пришлось пробираться сквозь заросли, так что в ближайший городишко он добрёл весь исцарапанный, с обгоревшими на солнце плечами и израненными ногами.

Гай знал, что слово своё сдержит. И насчёт поселян, и насчёт Робина из Локсли.

Он его поймает.

Всенепременнойше.

И очень, очень скоро.

Уложить двух зайцев

Когда старший помощник капитана королевского линкора «Ноттингем» Гай Гизборн клялся, что непременно поймает пиратского капитана Робина Гуда, досаждавшего короне на угнанном эсминце «Шервуд», он и не подозревал, что это случится так скоро.

Однако же случилось.

Гай прекрасно знал поговорку: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь». Но тут сработала другая: «Одним выстрелом двух зайцев уложить».

Потому что на сей раз он охотился вовсе не за Робинот Локсли, а с отрядом космодесанта высадился на базе-спутнике Терры-5, чтобы прищучить хозяина этой базы, старого бандита Карлайла.

Тот по происхождению являлся вурлем, и его настоящее имя невозможно было выговорить, не вывихнув себе челюсти. Нагадил он в этой части Галактики преизрядно, и Гай, скрепя сердце, признавал, что стервец Локсли по сравнению с Карлайлом действительно благородный разбойник: не пытал пленных, не насиловал женщин с захваченных круизных лайнеров, держал данное слово. В общем, с ним можно было иметь дело, в отличие от Карлайла. Но когда подобные мысли забирались Гаю в голову, он тотчас старался их оттуда изгнать. Ещё чего — признавать благородство какого-то проходимца!

Тем не менее, в глубине души Гай понимал — и это бесило больше всего, — что в дурного человека ма-леди Марион не влюбилась бы.

В общем, снедаемый мрачными мыслями, Гай спланировал штурм базы Карлайла близ Терры-5 и самолично его возглавил. Чтобы не спугнуть бандитов, «Ноттингем» остался на расстоянии одного подпространственного прыжка от спутника, там же, к счастью, остался и капитан Дерено. А на крышу базы плавно опустился космокатер с тридцатью десантниками. Пираты и пикнуть не успели, как их положили мордами в пол. Кое-кто пытался оказать сопротивление — что ж, этих пришлось положить мордами в пол на веки вечные.

Самого Карлайла с его ближайшим помощником — татуированным от кончика носа до кончика члена громилот Закиром — Гай обнаружил в пыточной на нижнем ярусе базы, оборудованной по последнему слову соответствующей техники. Попытки, имевшие целью что-либо выведать у пытаемых, с появлением новейших сывороток правды стали анахронизмом, но Карлайл обожал сам процесс, результат для него был вторичен.

Поэтому Гай, ворвавшийся в пыточную первым, с удовольствием выпустил заряд из бластера, — а не из парализатора, как полагалось, — в

татуированную грудь верзилы Закира. Слишком уж много крови было у того на руках, причём сейчас в буквальном смысле, ибо на крюках пыточной болтался какой-то бедолага. Карлайл так впечатлился печальной кончиной помощника, что немедленно задрал лапы в гору.

У Гая руки чесались всадить заряд из бластера и ему — в какое-нибудь уязвимое место, а не укокошить, — но поступить так означало уподобиться этому мерзавцу. Так что он сдал Карлайла сержанту Мендру сотоварищи, а сам достал походную аптечку и поспешил к висящему на дыбе пленнику. Вогнал ему в худое бедро шприц с обезболом, осторожно снял с крюков и аккуратно разложил на полу, чтобы обтереть дезинфицирующими салфетками и выяснить, откуда натекло столько кровищи. И только когда пленник разлепил заплывшие веки и уставился на Гая, он осознал, что перед ним беспомощно распростёрся не кто иной, как Робин Локсли.

Робин Гуд.

— Твою мать! — ошеломлённо прохрипели оба разом. А потом, так же одновременно: — Ты что здесь делаешь?!

— Танцую! — огрызнулся Гай. Он отчего-то не испытывал резонного злорадства и ликования. — За что они тебя?

— Не захотел добычей поделиться, — кратко пояснил Робин. И добавил, облизнув разбитые губы и поморщившись: — Спасибо!

— На здоровье, — Гай поднялся.

Он уже понял, что серьёзных ранений этот прохвост не получил — Карлайл с Закиром просто занимались по нему художественной резьбой, чтобы причинить побольше боли.

Гай огляделся в поисках какого-нибудь тряпья. Ничегошеньки. Пришлось вытряхнуть из шаровар покойного Закира. Шаровары были не слишком чистые, к тому же в них можно было легко запихать сразу двух тощих Гудов, но, чай, не в примерочной находятся. Он запустил штанами в Робина, внимательно за ним наблюдавшего:

— Прикройся, жопу отморозишь. И двигай отсюда нахер, когда мы уйдём. Шлюпок тут как минимум три, я видел.

— Я не понял, — Робин медленно повиновался, по-прежнему не спуская с Гая странного взгляда. — Ты что, не арестуешь меня?

— А тебе не терпится? — съязвил Гай, досадливо отворачиваясь. Его корёжило от собственного дуракизма, но он ничего не мог с собой поделать.

— Ты же клялся, — не унимался чёрт Локсли.

Вот охота же ему триндеть без толку. Велели идти нахер, туда бы и чесал.

— Клялся, — буркнул Гай уже от двери. — Но я сам хочу тебя поймать, а не быть обязанным за это Карлайлу. Всё равно что жрать за ним объедки.

Робин поперхнулся следующим вопросом и вытаращил глаза. Гай этому мрачно порадовался. Как и тому, что сам рулит ситуацией, и вообще... И вообще проявляет неебическое благородство.

Как подобает рыцарю.

Или дураку.

Но, быть может, ма-леди Марион узнает об этом его поступке от Гуда.

— Тогда за мной должок, — заявил Робин.

— Да уж, взыщу, не забуду, — величественно кивнул Гай и выскользнул в коридор.

Последнее слово всегда должно оставаться за ним.

Настоящий рыцарь

Гай Гизборн, старший помощник капитана Дерено на королевском линкоре «Ноттингем», в глубине души был романтиком. Но где-то очень глубоко, настолько глубоко, что окружающие гораздо чаще видели в нём неотёсанного хама, а не благородного рыцаря.

Тем не менее, у Гая были моральные принципы, понятия о чести и слове настоящего мужчины... и трепетная горькая любовь к ма-леди Марион из Лиффорд-холла. Гордой рыжекудрой красавице, которая дарила свою любовь вовсе не ему, а мятежному негодяю Робину из Локсли, присвоившему себе имя легендарного древнего разбойника Робина Гуда.

Признаться, это глубоко ранило Гая. Но больше всего он бесился оттого, что и сам не питал к этому гаду Робину ненависти, что являлось бы абсолютно закономерным. Нет же! Он даже отпустил мерзавца, обнаружив его истерзанным в лоскуты — в пыточной бандита Карлайла.

Отряд Гая тогда накрыл шайку Карлайла на месте преступления и повязал всех. А вот Робина не повязал! Наоборот, Гай промыл ему раны, как

заправский лекарь, чёрт побери всё. Жалко стало! Словно сентиментальной барышне — израненного кота. И — отпустил, высокопарно заявив, что, мол, не желает быть обязанным какому-то козлу Карлайлу поимкой своего врага.

Враг при этом посмотрел на Гая как-то странно, но Гаю было плевать: он уже выказал себя полным дураком.

Романтичным придурком и лохом.

То есть настоящим рыцарем.

Именно поэтому он почувствовал себя оскорблённым до глубины души, обнаружив треклятого Робина из Локсли сидящим последи пустыни Наср-ди-Афан на Иллари, планете песчаных бурь.

Но даже не это было самым интересным, а то, что Робин сидел там нагишом, водрузив тощую задницу на бурый скальный обломок.

Что там делал сам Гай, да ещё и в одиночку, точнее, с боевым сервом в десантном мини-шаттле? Он потом не раз спрашивал себя, как же ему так повезло... или, наоборот, не повезло. Какое-то странное чутьё направило его именно в эту пустыню в поисках злоумышленников, которые обнесли шикарную виллу мультимиллиардера Зебулона, да ещё и в день его рождения.

Вилла, конечно, находилась не в пустыне, а в построенном корпорацией Зебулона прекрасном оазисе, названном просто и понятно каждому, — Рай.

Поскольку за порядком в этом секторе Галактики был призван следить как раз королевский линкор «Ноттингем», а значит, персонально Гай (капитан Дерено на такие мелочи не разменивался, предпочитая потягивать хмельное лигурийское в своих апартаментах), то Гай и высадился в оазисе с отрядом из пятерых своих ребят. Чтобы услышать потрясающую историю.

Итак, некая парочка симпатичных и обаятельных мошенников, мужского и женского пола, заявили к управляющему утром якобы с доставкой живых цветов с Ликоники для украшения приёмных залов. Цветы были роскошными, сопроводительные документы — на первый взгляд — подлинными, а мошенники — очень расторопными. Они предложили управляющему услуги в оформлении залов. Тот с облегчением согласился, ибо прислуга сбивалась с ног — хозяин поместья слыл капризулей, а в день рождения — тем более. Угодить ему было сложно. Таким образом, парочка нагрузилась цветочками и отправилась наводить красоту. Но в итоге спёрла украшения бывших жён Зебулона и была такова.

— Бывших жён? — переспросил хозяина Гай, услышав об этом.

— У меня их было три, и драгоценности я не отдал ни одной из них, — промямлил Зебулон.

Не самый достойный поступок, да и вообще хозяин показался Гаю каким-то мутным, но он решил пока об этом не думать, а обратился к камерам слежения, чтобы получше разглядеть злоумышленников.

Тут его ждал очередной сюрприз: кто-то стёр с записи момент их прибытия, когда камеры брали крупный план. Действительно, ребята оказались чертовски расторопными! В дальнейшем же, когда они отправились расставлять цветы по указанию управляющего, их светлые лики были надёжно прикрыты букетами и гирляндами.

Гай в очередной раз помянул чёрта и отправился выяснять, каким образом мошенники покинули ограбленное ими имение.

А очень просто — угнали один из гостевых флаеров, перепрограммировав его. На орбите их, видимо, ждал корабль.

Возможно, именно тогда, узнав об этом, Гай впервые подумал о «Шервуде». То есть о треклятом легендарном корабле Гуда, на котором тот грабил богатые пассажирские лайнеры, чтобы облагодетельствовать нищих поселенцев терраформированных планет. Империя обходила этих бедолаг стороной своими милостями, а вот Гуда, снабжавшего их провизией и лекарствами, они просто боготворили.

Но, проклятие, Гуд, то есть Локсли, никогда раньше так не действовал!

Прежде чем отправиться прочёсывать окрестности, Гай ещё раз навестил Зебулона. Тот тоже поправлял свою нервную систему бутылкой лигурийского — Гай уже успел возненавидеть это пойло.

— Прошу прощения, — дипломатично сказал он, — а каким образом преступники ухитрились открыть сейф с драгоценностями без знания кода доступа? Есть у вас предположения?

Зебулон мрачно икнул, объявил, что предположений нет, и снова приложился к бутылке. При этом он старательно прятал глаза. Да, он явно что-то скрывал, но Гай решил вернуться к этому неприятному разговору попозже. Пока что он отправил своих ребят обыскивать оазис и местность вокруг, а сам на мини-шаттле с боевым сервом за спиной — на всякий случай — направился в пустыню Наср-ди-Афан, ведомый неким непонятным предчувствием.

Чтобы обнаружить там уныло восседающего на камне голого и безоружного Гуда. То есть Локсли.

Локсли был тощ, космат, выглядел измождённым и обескураженным. При виде Гая, выпрыгнувшего из шаттла, он сделал несколько суетливых пассивных руками, словно намереваясь прикрыться, но, сообразив, что это бессмысленно, снова застыл в позе роденовского мыслителя, на Гая вовсе не глядя. Смуглые скулы его зарделись.

— Какого рожна? — любезно поинтересовался Гай, торопливо подходя к нему. Серву он велел оставаться на корабле.

— Я влип, — лаконично признался Гуд, не делая больше лишних телодвижений. — Я дурак.

С этим Гай спорить не собирался: наоборот, ему стало очень приятно, что он не один носит такой титул.

— А что случилось? — ядовито осведомился он, и вдруг его осенило: — Подружка кинула?

— Она мне не подружка, — возмущённо проскрипел Робин, и тут Гай внезапно рассвирепел так, что у него в глазах потемнело.

— Ма-леди Марион дарит тебя, сукина кота, своей любовью! — заорал он, едва сдерживаясь, чтобы не заехать Локсли в челюсть. — А ты что творишь, паскуда?!

— Эта баба мне не подружка, говорю же! — заорал и Робин, вскакивая, и Гай, морщась, сорвал с себя куртку и швырнул в этого гада. Господи Иисусе, почему он только и делает, что одевает его, застав нагишом?! — Она предложила мне вдвоём провернуть это дельце и увивалась вокруг меня, но я не повёлся!

— Как же не повёлся, когда ты тут сидишь, как праотец Адам? — сердито съязвил Гай, немного остыв. Было похоже, что гад не врал.

Робин сразу увял.

— Не повёлся на то, что она строила мне глазки и чуть ли в штаны не лезла, — проворчал он. — Я ей сразу сказал, что у нас чисто деловое партнёрство.

Деловой, ёлки зелёные.

— Кто она? — отрывисто спросил Гай то, что следовало спросить с самого начала, и почти не удивился, услышав ответ.

Робина Локсли, как и Зебулона, облапошила Марианна Зебулон. Одна из бывших жён магната, прекрасно знавшая код сейфа. Вот что от Гая пытался

скрыть злосчастный магнат, явно продолжавший испытывать к беглой супруге святое поэтическое чувство.

Где-то Гай его даже понимал. Ну, насчёт святого и поэтического.

Он сурово поглядел на Локсли, походившего в его здоровенной куртке на какого-то мальчишку-беспризорника, и сказал:

— Ну, то, что она тебя выкинула тут, это понятно, скажи спасибо, что не убила.

Робин подавленно кивнул. Гаю снова стало его жалко — он никогда не видел бодрого ехидного Локсли в таком состоянии. Не иначе как чувствовал свою вину перед ма-леди Марион, злорадно решил Гай. И то, если красивая мошенница всячески старалась его обольстить, он хоть на миг, но повёлся. По крайней мере, в штанах у него зашевелилось. Не каменный же он!

— Но почему она тебя раздела? — закончил Гай недоумевающе.

Он и правда не мог этого понять.

— Отомстила за то, что не захотел её, — исчерпывающе высказался Робин, продолжая угрюмо на него зыркать.

Тут Гай наконец расхохотался, а, отсмеявшись, спросил:

— А твои босяки где?

— На орбите болтаются. Я им ничего не говорил, — пробормотал Робин. — Никаких подробностей.

— То-то они порадуются, когда ты вернёшься к ним без штанов и в моей куртке, — весело заключил Гай. — Придумывай, чего врать будешь, подкину.

Настроении у него враз улучшилось. Да уж, на фоне злоключений Локсли сам он выглядел куда каким умелым и удачливым. По крайней мере, ещё ни одна баба во всей Вселенной его без штанов на камушке не оставляла.

— Не понял, — медленно проговорил Робин. — Ты меня не арестуешь?

Гай вздохнул и проворчал:

— А кого я тогда ловить буду? Пошли уже.

Праздник Урожая

На широкой площади перед домом для собраний ярко пылали костры. Пять огромных костров, выбрасывающих в ночное небо снопы искр.

Аромат жареного мяса, щедро приправленного специями с Фалуганги, щекотал ноздри и желудок. Музыканты, как встарь, наяживали зажигательные мелодии без каких бы то ни было виртуальных приспособ. Ноги у Робина сами начали притоптывать в такт. Ма-леди Марион из Лиффорда, а здесь просто Марион, весело фыркнула, взглянув на него. В её бездонных глазах отражались отблески праздничного костра.

Как же он её любил.

Поселение называлось Кроун, и на этой захудалой, затерянной в Приграничье планетке с длиннющим каталожным номером оно было одним из самых развитых. Пункт обмена товарами, власть Совета и шерифа, назначаемого Советом. Здесь Робин из Локсли мог не опасаться за свою судьбу и судьбу «Шервуда», корабля, за которым так упорно гонялся королевский флагман «Ноттингем».

Да, здесь они все были в безопасности.

Но не совсем.

Робин понял это с упавшим сердцем, когда Марион вприпрыжку, подобрав юбки, отбежала к разливальщику за новой кружкой душистого сидра. В этот миг кто-то тронул его сзади за плечо и, обернувшись, он увидел красивое насмешливое лицо женщины, которую надеялся больше никогда не увидеть.

Ведь Вселенная так велика.

Велика-то велика. Но для Марианны Зебулон, беглой жены мультимиллиардера Зебулона, подбившей Робина не так давно на ограбление бывшего муженька, Вселенная больше походила на собственный карман, где она могла легко найти что ей угодно.

Или кого угодно.

Робин невольно оглянулся в сторону разливальщика сидра, к которому подошла Марион, и Марианна ехидно прищёлкнула языком.

— А она у тебя ничего, хорошенькая, — снисходительно обронила она.

Робин вспыхнул до ушей и невольно стиснул кулаки.

— Почему бы мне тебя не прибить, а? — он хотел добавить «сучка», но сдержался.

Хотя она была ещё той сучкой, бросив его после удачного ограбления сидеть на камушке посреди пустыни Наср-ди-Афан, без гроша в кармане. Да и без самих карманов, ибо под дулом бластера издевательски заставила раздеться догола. Он ведь не захотел её тогда, не захотел изменять Марион.

— Потому что ты не убиваешь женщин, это же все знают, — глумливо пожала она округлыми плечами под расшитой накидкой. — А у меня к тебе дельце, между прочим.

— Че-го? — процедил Робин, но тут же понизил голос. — Иди, откуда пришла.

— Да ладно, я специально прилетела на эту... сельскую ярмарку, — Марианна презрительно скривила пухлые губы, — чтобы нанять тебя, Робин из Локсли. Говорю же, дельце есть, на сей раз без обмана.

Робину нестерпимо захотелось запустить пятерню в густую гриву её сверкающих каштановых кудрей и встряхнуть, как куклу.

А ведь даже не завизжит, мрачно подумал он и прошипел:

— С чего ты взяла, что я стану тебе помогать, с... стерва?

Марианна подбоченилась и небрежно пояснила:

— А с того, что ты не захочешь, чтобы я рассказала твоей ма-леди...

Тут она запнулась, потому что Марион, возникшая рядом незаметно, будто привидение какое, проговорила негромко, но чётко:

— Что именно ты расскажешь мне о моём Робине, женщина?

Сердце у Робина вторично ухнуло в область желудка, но, взглянув в прищуренные глаза своей суженой, он с превеликим облегчением понял — Марион, как всегда, на его стороне.

Но Марианна Зебулон, об этом, разумеется, не знала. И отрезала, торжествующе вскинув голову:

— Что у него родинка вот тут, а здесь шрам, — она ткнула пальцем ему в живот и пониже сердца, — да и оснастка будь здоров. А вот задница тощая. Плохо кормишь.

По её губам проползла лисья усмешка.

Робин взмок.

Марион же и бровью не повела.

— А-а, значит, ты банщица? Не знаю, где это тебе посчастливилось потерять ему спину, — преспокойно отозвалась она, — но сейчас тебе самой придётся как следует помыться.

И обе большие глиняные кружки с сидром, которые она держала в руках, опрокинулись на голову взвизгнувшей, но не успевшей отскочить Марианны Зебулон.

Скрипки у костра заиграли громче, совершенно заглушив этот визг, а Робин счастливо расхохотался.

Как же он её любил.

Объясняться всё-таки придётся. Что ж, он был готов. Несмотря на то, что глиняные кружки вполне могли разбиться об его маковку.

Поделом ему, пускай. От своей Марион он готов был принять что угодно.

* * *

Катер с королевского линкора «Ноттингем» уже возвращался на борт корабля, когда на мониторе рубки вдруг вспыхнул сигнал вызова.

— Приём, — неохотно отозвался Гай Гизборн, старпом «Ноттингема» и командир отряда космодесантников, занимавшихся патрулированием местного сектора Галактики.

На мониторе появилось симпатичное женское личико. Вернее, даже очень красивое. Огромные зелёные глаза, каштановые кудри над высоким лбом.

Гай приободрился и насторожился одновременно.

— Леди в беде? — лениво поинтересовался он.

— Я точно знаю, где сейчас находится Робин Гуд из Локсли, — вместо ответа выпалила красавица. — И эта его потаскушка Марион! В поселении Кроун на планете Саурания, недалеко отсюда!

— Я знаю, где это, — ровно проговорил Гай.

— Вы можете схватить их, если поторопитесь! — нетерпеливо заявила женщина. — Они там как раз отплясывают на деревенском празднике Урожая!

— Вот как? — Гай поднял брови. — А как же их корабль, этот «Шервуд».

— Не заметило, — проронила красавица, поправляя слипшиеся отчего-то кудри. — Так что? Вы захватите их? Мне будет положена какая-нибудь награда за то, что я доложила вам об их местопребывании?

— Если захватим, то, разумеется, да, — энергично кивнул Гай. — Назовите ваши координаты.

Когда просиявшее личико исчезло с монитора, Гай несколькими касаниями пальцев отправил отряд боевых сервоботов по указанным координатам. Если тем посчастливится, они доставят Марианну Зебулон в ближайшее космополицейское управление.

Ориентировки на неё Гай запросил, как только узнал от Робина, кто ограбил Зебулона в его поместье «Рай». А уж забыть её лицо было невозможно.

Сервоботов ей не удастся соблазнить. За себя самого Гай не мог ручаться.

А Робин из Локсли и Марион из Лиффорда пускай себе отплясывают на празднике Урожая, хмуро подумал он и вздохнул.